

ВЫСШАЯ ШКОЛА: ГЕНДЕРНАЯ ПАРАДИГМА

Т. ВИНОГРАДОВА, кандидат
психологических наук
ИНИОН РАН

История науки: версия феминизма (обзор литературы)

В обзоре представлены некоторые подходы к изучению науки как маскулинизированной сферы деятельности: от критики ее дискриминационных практик до анализа базовых ценностных установок и допущений в их зависимости от гендерных стереотипов культуры.

Западной цивилизации, по убеждению феминистских исследователей, свойствен андроцентристский характер, основанный на принципе превосходства мужчин, где женщина воспринимается как «второй пол». Именно женщины по традиции рассматриваются в качестве носителей половых различий, тогда как с мужчинами отождествляются универсальные человеческие качества» [1, с. 276]. Мужчина воспринимается как представитель всего «человечества», призванный говорить от его лица; его миссия понимается как общезначимая, связанная с выполнением основной и важнейшей для цивилизации задачи [2].

Патриархатная ориентация культуры проявляется во всех ее областях. Прежде всего в том, что «власть», понимаемая в широком смысле как причастность к принятию решений, осуществляется по мужскому образцу. В ней воплощены маскулинные черты – жесткость, агрессивность, стремление к доминированию и т. п. Отношения между полами – это один из типов проявления властных отношений, когда под видом «объективности» вос-

производится ситуация, при которой одна часть человеческого рода, имея свои собственные интересы и опыт, репрезентирует интересы и опыт другой ее части.

Все возрастающее интегрирование женщин в образование, в науку, в другие профессиональные сферы позволяет обнаружить новые грани исторически сложившихся механизмов символической власти, доминирования и легитимности.

Смысл феминистского вызова состоит в том, чтобы не просто изменить положение женщины, а ревизовать все области социальной реальности, а также все сферы знания, начиная с философии и наук о человеке и кончая естествознанием.

«Патриархатная власть» проявляется даже в самой сути «научного метода»: западная наука ориентируется на «мужские парадигмы» с их установкой на господство, представление о том, что «знание – сила», а насильственное покорение природы – высшая доблесть. Включение женского опыта и восприятия в научную картину мира, как полагают феминисты, может оказаться чрезвычайно продуктивным [3].

Подвергнув анализу понятия «опыт», «рациональность», «объективность» и отметив их ценностную «нагруженность», феминисты обращаются к анализу гносеологических оснований науки, зависимости «субъекта» и «объекта» познания от «гендерных стереоти-

пов». В противовес классической традиции (категориям «абсолютного субъекта» и «объективной истины») феминистские эпистемологии предлагают подходы, которые учитывали бы историческую конкретность и контекстуальность научного знания, зависимость его от характера ценностных посылок. Им свойствен отказ от резкого противопоставления субъекта и объекта, телесного и духовного, природного и социального [4].

В современной философии и историографии установлено, что науку следует рассматривать как деятельность социальную – не только по форме (институционализированную, профессиональную), но и по содержанию, которое не может быть отделено от того, что в социологии принято называть потребностями и интересами. Ее развитие видится теперь не как обезличенное движение идей вне времени и конкретных обстоятельств («sub specie eternitatis»), что было свойственно классической философии в целом, но как движение в определенном контексте – личностном, этическом, социальном, культурном, историческом – так сказать, метафизическом.

На первых порах феминисты включились в традиционную критику неопозитивистских представлений о науке, приводя отдельные примеры гендерных искажений в исследовательской практике и уделяя внимание работам, демонстрирующим биологическое и/или интеллектуальное превосходство мужчин. Однако так же, как и философия науки, феминизм пошел дальше и обратил критический взгляд уже на саму концепцию науки¹. Подобно Т. Куну и И. Лакатосу, феминистские теоретики занялись изу-

чением сложных взаимоотношений между базовыми допущениями ученых и их научной практикой. Подобно П. Фейерабенду и Н.Р. Хэнсону, они усомнились в существовании жестких границ между объективностью и субъективностью, поскольку осознали значимость «человеческих» компонентов в познании. И, наконец, подобно Ю. Хабермасу, феминисты критически отнеслись к представлению об индивиде как о главном действующем лице в научном познании. Поэтому феминистскую критику науки не стоит противопоставлять современной эпистемологии и философии науки, поскольку она скорее является важным дополнением к популярным ныне постмодернистским дискурсам, концентрируя внимание на гендерных аспектах научной деятельности.

Анализируя историю науки, сторонники феминистского подхода показывают, что с момента своего возникновения она была «гендерно нагруженной». В общественном сознании был сформирован образ ученого как «логически мыслящего мужчины», который ищет истину, чтобы поставить под свой контроль и приобрести власть над природой. В своих действиях ученый уподобляется «логической машине», он должен руководствоваться лишь холодным разумом, но не чувствами. До сих пор наука продолжает многими считаться «областью преимущественно обезличенной, рациональной и абстрактной, предназначенной для мужчин» [5, с. 275].

Тот факт, что наука гендерно нагружена, проявляется уже на уровне метафор повседневного языка. Так, в Средние века и эпоху Возрождения доминировало представление о природе как об «органическом женском универсуме». Если Природа отождествлялась с женским началом, то наука и культура – с мужским. Не случайно в современ-

¹ С. Жеребкин. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч.1 – Харьков – СПб., 2001.

ных языках слово «ученый», как правило, относится к мужскому роду [6].

По словам К.Бордо, в декартовских «Размышлениях о первой философии...» легко прочитывается онтологическая мужская тревога, связанная с отчуждением от «органического женского универсума» Средних веков и Возрождения. «Голод, войны, эпидемии и нищета, преследовавшие людей с середины XVI в. до середины XVII в., разрушили чувство равновесия между человеческими существами и матерью-Природой; стало казаться, что Природа стала враждебна людям» [7, с.441]. И, как следствие, возникла защитная реакция по вытеснению всего того, что может быть названо «женским», за пределы создаваемой в этот период науки. (Вся эта «история», естественно, зачастую описывается в психоаналитических терминах).

Как пишет Э. Келлер, «современная наука конституируется вокруг серии дихотомий, где то, что может быть названо «женским», выдворяется за рамки науки, и, соответственно, то, что лишается права быть отнесенным к науке, будь то чувства, субъективный опыт или природа, объявляется «женским» [8, с.279]. По ее мнению, в западной цивилизации «социокультурная категоризация пола», с одной стороны, и господствующий образ науки, с другой, тесно переплетены между собой. Не случайно широкое распространение получила метафора, согласно которой «научный Разум отождествляется с мужским началом, а Природа – с женским. Наука же воспринимается как господство Разума над Природой» [9, с.66].

Отсюда утвердившиеся критерии научности: в ранг нормативов возведено господство разума над чувствами, факта над ценностью, культуры над природой, науки над верой; при этом подразумевается, что рациональность, объективность

и способность к абстрагированию – мужские качества, а иррациональность, субъективизм и конкретность мышления – женские. По словам С. Хардинг, «понимание природы как женщины, индифферентной или даже приветствующей насилие, имело фундаментальное значение для этих новых концепций природы и исследования. В этом смысле «научный» способ познания может быть переименован в «сверхмаскулинизацию» рационального знания» [10]. Этот архетип продолжает действовать даже в современной физике, язык которой пронизан сексуальными ассоциациями [11, с.44].

Наиболее наглядно влияние идеологических и культурных допущений на научную практику может быть продемонстрировано на примере разного рода биологических теорий, доказывающих мужское превосходство.

Н. Туана [12] обращается к физической антропологии, которая сформировалась в середине XIX в. и свою цель видела в сопоставлении физического строения людей, находящихся на разных ступенях эволюционного развития, в том числе принадлежащих к разным расам и разным полам. В качестве эмпирических маркеров половых различий использовались особенности строения черепа, поскольку считалось, что по размеру черепа и его форме можно судить об уровне ментальных способностей. Анализ работ краниологов показывает, что выбор признаков, использовавшихся для демонстрации мужского превосходства, очевидно а priori предполагал это превосходство.

Так, Х. Шаафхаузен вывел пять параметров женского черепа, свидетельствовавших, как ему казалось, об отставании женщин в эволюционном развитии. Свой вывод он обосновывал тем, что те же самые особенности были характерны и для неевропейских рас. Дальнейший пересмотр этих параметров, осуществленный

Дж. Келландом, показывает, насколько глубоко в краниологию проникли идеи расизма и сексизма. Обнаружив, что, вопреки данным Шаафхаузена, для строения черепа австралийских аборигенов и негров характерен высокий лоб, Келланд ничуть не усомнился в базовой гипотезе. Он лишь ввел другой показатель, опираясь на который доказывал, что женщины, равно как и представители неевропейских рас, обладают инфантильной формой черепа и, следовательно, находятся на более низкой ступени эволюционного развития.

Опираясь на социальную теорию ХХ в., легко увидеть в краниологии пример «плохой» науки, которая не смогла противостоять влиянию расовых предрассудков. Но если рассматривать допущение о мужском превосходстве в историческом контексте, становится очевидным, что оно полностью вписывается в систему теоретических построений, принятых на тот момент научным сообществом. Согласно дарвиновской теории, половой отбор представляет собой один из механизмов эволюции, однако, как настаивал Дарвин, лишь мужчины эволюционируют под воздействием этого механизма. Таким образом, вера в мужское превосходство была для подавляющего большинства ученых XIX в. *не гипотезой*, которая может быть опровергнута, но *«метафизическим» убеждением*, чья истинность не требует доказательств.

Краниология не единственная научная область, где феминистский подход способен обнаружить серьезные дефекты, возникающие из-за идеологической «ангажированности». Д. Харауэй показывает, какое сильное влияние оказывают культурно и исторически обусловленные допущения относительно пола, расы, социального устройства на формирование научных представлений об обезьянах и приматах. Здесь имеет место явная взаимозависимость: с

одной стороны, политические взгляды исследователей становятся факторами формирования их научных воззрений; с другой, политические концепции находят поддержку в «строгих научных» и «объективных» конструкциях приматологов, изучающих «первоосновы» и биологические корни человеческих отношений. «Приматология, — пишет Харауэй, — это политика, проводимая другими средствами... Описания жизни обезьян и приматов являют собой индустриальную и постиндустриальную версии прошлого и будущего наших животных «родичей» и нас самих» [13, с. 82].

Вплоть до конца 1960-х годов в приматологии доминировали модели социальной организации, в которых центральное место отводилось мужской агрессии, конкуренции и отношениям подчинения и доминирования. Лишь благодаря появлению в приматологии ученых-женщин, менее подверженных сексистским предрассудкам, эти модели были поставлены под сомнение. Им удалось открыть новую страницу в изучении приматов, показав значимость долговременных кооперативных связей и гибких процессов в создании иерархических структур и доказав, что самки принимают весьма активное участие в формировании «социальных» групп у приматов.

Как обнаружили феминистские авторы, «мужская наука» страдает своеобразным «астигматизмом» при рассмотрении предметных сфер, в которых так или иначе затрагиваются различия полов в животном и социальном мирах. В исследованиях приматологов, зоологов, зоопсихологов и даже социологов наблюдаются тенденции к преувеличению иерархических связей и недооценке коллективистских, «консенсусных» отношений.

Э. Келлер предложила оригинальный подход к проблеме «гендер и наука». По ее мнению, это скорее не феминистская,

т.е. не социально-политическая, а социологическая и культурологическая проблема, и ее решение возможно лишь в рамках принципиально нового феминизма, который, разумеется, защищал бы законные права женщин, но прежде всего стремился стать общественной наукой – социологией и культурологией гендера «вообще».

Суть этого нового подхода к проблеме пола может быть продемонстрирована на примере так называемой «эволюционной биологии»². Именно в этой научной области выдающаяся роль принадлежит женщине – К. Нюслайн-Фольхарт, ставшей в 1995 г. лауреатом Нобелевской премии и единственной в Германии женщиной, получившей в Институте Макса Планка должность руководителя биологических исследований. «Эволюционная биология» интересна и потому, что: 1) это область, где женщин всегда было много (а сегодня довольно много женщин-лидеров), поэтому с точки зрения социологии науки любопытно проанализировать становление этой области, с тем, чтобы ответить на вопрос, почему женщины пришли там к «власти»; 2) «эволюционная биология», основным предметом исследования которой служит репродуктивная деятельность, может стать хорошей иллюстрацией общих аргументов относительно символов гендера в естественных науках; 3) проблемы, стоящие перед «эволюционной биологией», не могут быть решены «по-мужски» (в терминах подавления, насилия), когда различаются, с одной стороны, активное, доминантное, факторное, а с другой – пассивное, подчиненное, средовое начало; для их решения больше подходят «женские» концептуальные модели равноправного, сложного взаимодействия.

Центральное место в «эволюционной

² Точнее, «биологии развития» (developmental biology). – Прим. ред.

биологии», которая называется еще эмбриологией, занимает проблема эмбрионального развития организмов. В 1920-х годах появляется американская школа генетики Т. Моргана, которая и составила с тогдашней эмбриологией конкурирующую исследовательскую область. «Интрига» здесь в том, что генетика внесла в биологические исследования «печать пола» в виде специфически «мужского» представления о том, как должна решаться центральная проблема биологической науки – как следует понимать процесс развития эмбриона в организм.

Взаимоотношения двух конкурирующих программ в период до начала второй мировой войны (т.е. до того момента, как генетика, в конце концов, «съела» эмбриологию) очень наглядно изобразил швейцарский эмбриолог О. Шотте, предложивший два рисунка клетки: один с точки зрения генетики, а другой – эмбриолога. Если эмбриологи представляют себе ядро занимающим очень незначительное место в объеме клетки – сплошь цитоплазмы, то генетики, напротив, видят клетку состоящей сплошь из ядра, отводя цитоплазме роль индифферентного фактора среды. Эти изображения, в сущности, выполняли функцию «тропов» для двух дисциплин, каждая из которых «заявляла свою значимость пропорционально графическим размерам своего главного объекта исследования» [14, с.19]. У эмбриологов таким объектом была цитоплазма, у генетиков – ядро.

В программе генетики это просматривалось в метафорическом поле «дискурса о геномном действии» – введенной первым поколением генетиков в 20–30-е годы темы о роли генов в эволюции. Подтверждая, что главная проблема эмбриологии – развитие эмбриона в сложный многоклеточный организм, генетики тут же предлагали «геномное» решение этой проблемы – проследить всю цепь реакций «геномного действия» от

его «входа» до «выхода». Эта интерпретация традиционной эмбриологической проблемы и направляла исследования в «эволюционной биологии» на протяжении многих лет.

Феноменальный успех данной исследовательской программы сначала в рамках классической, а потом молекулярной генетики бесспорен. Но цена его — долгое забвение не только эмбриологии с ее оригинальными проблемами, но и самого жанра «организм» (организм был подменен «геномом»). И лишь в последние 15-20 лет проблема развития организма из яйцеклетки вновь вернулась в биологию. Произошло и соответствующее изменение дискурса, который незаметно переключился с «генного действия» на «генное активирование». И, соответственно, фокус исследований сместился с самих генов к динамике сложных биохимических процессов, происходящих в клетке: не гены «делают» организм, а, напротив, организм управляет генами.

Появились и новые метафоры (гены-активаторы и т.д.), свидетельствующие о появлении нового языка в биологии — «открытии организма».

В чем причины столь разительных перемен? По общему признанию, ренессанс «эволюционной биологии» был связан с исследованием «материнского эффекта» в развитии дрозофилы, предпринятым в начале 70-х годов. Позже оно привело к знаменитым опытам К. Нюслайн-Фольхарт и ее коллег, которые установили решающую роль цитоплазматной структуры яйцеклетки. Это исследование не зависело от новых технологий и, по признанию М. Эшбарнера, «могло быть успешным и 40 лет назад, возникни тогда у кого-нибудь такая идея» [14, с.21].

То, что никому тогда не пришла в голову нужная идея, вовсе не было случайностью. Это свидетельство того, что на тот момент отсутствовала необходимая познавательная установка. Господ-

ствующее место занимал дискурс о «генном действии», задававший четкие пространственную и временную «карты» клеточного развития, где цитоплазме отводилась третьестепенная роль.

Кстати, конкуренция между генетикой и эмбриологией, отталкивавшихся от разных метафор «клетки», была одновременно столкновением разных национальных интересов — американских и германских, поскольку генетика процветала в США, а эмбриология в Германии [Там же]. Немецкие ученые в период между двумя мировыми войнами именно таким политизированным образом оценивали конкуренцию между генетикой и эмбриологией, называя междисциплинарную область «ничейной землей», «приграничной полосой» и т.п. И эта идеологизированная лексика состязания двух научных областей вполне оправдала себя, поскольку победа американской генетики над немецкой эмбриологией произошла одновременно с военным поражением Германии.

Данная политическая метафора служит хорошей иллюстрацией того, что наука делается не «отрешенными от мира сего» учеными, но людьми, не могущими не привносить в науку вневенные мотивации.

Именно в этом, нефеминистском смысле биологическая наука, «присвоенная» генетикой, была «неженской» наукой: не потому, что в ней работало мало женщин, но потому, что в ней доминировала идея о ведущей роли «мужского начала» в биологическом развитии.

Смена исследовательской установки могла произойти лишь вследствие экстранаучных — социокультурных — изменений, включавших в себя, во-первых, вступление мира в эпоху постмодернизма, т.е. социального, культурного и интеллектуального плюрализма, который несовместим с установкой на поиск каких бы то ни было доминантных начал; во-вторых, превращение Германии из

врага Америки в союзника, что в переводе на неполитический язык означало благоприятные условия для возрождения традиций эмбриологии с ее заведомым неприятием «мужских» установок генетики; в-третьих, появление женских социальных движений.

Все это и подготовило почву для возрождения феномена «эволюционной биологии», а в сущности смены исследовательской мотивации в биологической науке. И не так уж и важно, случайно или нет оказалась на острие этих перемен именно женщина, К.Нюслайн-Фольхарт. Главное, что ее исследования переориентировали современную биологическую науку с «мужской» исследовательской установки, на, что очень важно, «нейтральную». И этим К. Нюслайн-Фольхарт и созданная ею школа (где действительно много женщин) продемонстрировали, что проблема «женщины в науке» не феминистская в традиционном понимании, но социокультурная в широком смысле проблема влияния гендера на научно-исследовательскую стратегию [Там же].

Идея о том, что научная практика испытывает влияние со стороны социальных и политических факторов, вовсе не нова. Заслуга феминистских критиков науки в том, что им удалось выявить те механизмы, посредством которых верования и стереотипы, касающиеся именно пола и расы, вмешиваются в производство научных знаний.

Феминистская эпистемология фиксирует социально-психологические аспекты классического идеала рациональности. Так, Э.Ф. Келлер показывает, что само понятие «закон» содержит в себе метафору политического происхождения. И как бы ни подчеркивалась нейтральность научного закона с точки зрения прескриптивности, тем не менее исторически понятие закона природы ассоциировалось с неким установлением со стороны верховного суще-

ства [9, с.132]. В номологический идеал объяснения, по Келлер, органично включено понятие иерархии, которое закрепляется и в дальнейшем проявляет себя не только в иерархическом расположении законов внутри дисциплин (и соответственно разделов этих дисциплин), но и в субординации разных дисциплин.

В доминировании этой модели в современной науке Келлер, по словам Т.В. Барчуновой и Ю.М. Мешанина, усматривает только отрицательные моменты [15]. Так, однозначная оценка ДНК как «законодателя клеточной организации» помешала открытию более тонких механизмов. Прогресс науки, с ее точки зрения, будет обеспечен лишь тогда, когда иерархические модели, созданные в терминах каузальной законосообразной зависимости, уступят место моделям системного порядка.

Анализируя, почему стало возможным открытие «подвижных» элементов генома (сделавшее Б. Мак-Клинтон Нобелевским лауреатом), Келлер показывает, что она смогла выйти за рамки парадигмы Уотсона–Крика лишь благодаря специфическому стилю мышления. Один из его моментов – сосредоточенность на индивидуальных различиях и аномалиях, противоположная в каком-то смысле номологическому идеалу классической науки [16].

Б. Мак-Клинтон в то же время обладала особой чувствительностью – поразительной способностью ощущать свою причастность к жизни организмов, которые она изучала. Свою работу с хромосомами она описывает следующим образом: «Когда я работаю с ними, я перестаю ощущать, что я внешний наблюдатель. Я – часть системы. Я могу видеть даже внутреннее строение хромосом... Это не удивляет меня, потому что у меня полное ощущение, будто я нахожусь прямо там – внутри, и все они мои друзья» [16, с.117]. Соглас-

но Э. Келлер, главным в методе Мак-Клинток было «чувство организма» – те эмпатические отношения, которые она сумела установить с изучаемым ею объектом.

Эти идеи, отмечает Келлер, связаны с холистическим пониманием организмов, для него характерно совершенно особое, по сравнению с классическим, отношение к своему объекту, иные ходы мысли и спектр когнитивных ценностей. Стремление к доминированию и насилию, овладению, присвоению должно уступить место любви, экофилии – экологизированному мироощущению, основанному на сознании единства человека и природы.

Продуктивность такого подхода Н. Туана показывает на примере вклада, который феминистские исследователи внесли в разработку теории эволюционного развития человека [12]. Этот пример блестяще демонстрирует не только роль ценностей в конструировании научных теорий, но и эпистемологическую эвристику разнообразных, в том числе политических, сообществ, в которые входят ученые.

Классическая теория эволюции человека исходит из представления о том, что ведущую роль в этом процессе играл «мужчина-охотник». Предполагалось, что именно мужчины, занимаясь важной и опасной деятельностью – охотой за крупным зверем, изобрели не только орудия труда, но и социальную организацию, включая язык. Женщинам же эта теория отводила второстепенную роль, «их мир – это дом», женские виды деятельности (прежде всего собирательство), в противоположность мужским, рассматривались как биологически ориентированные и не требующие иных навыков, кроме тех, которые заложены в женщинах от природы.

Альтернативные описания эволюционного процесса появились на основе критики представлений о женщине как

пассивном, сексуальном ресурсе для мужчин.

В 1970 г. антропологи А. Зилман и Н. Тэннер развили собственную теорию эволюции человека. Центральное место в ней занимает идея, что женщины, занимаясь собирательством, внесли существенный вклад в эволюционное развитие. Отталкиваясь от исследований приматов (чем питаются шимпанзе, какие орудия используют), Зилман отказалась от представления об охоте как о краеугольном камне эволюционного процесса. Она показала, что собирательство требует определенных умений и относительно большого объема знаний (какие растения и плоды следует собирать, когда и где их искать и пр.) и соответственно способствует развитию коммуникаций и изобретению новых орудий. Кроме того, опираясь на работы в области детской психологии, Зилман установила, что особая связь между матерью и ребенком также сыграла важную роль в человеческой эволюции. Теории, предложенные феминистскими антропологами, вовсе не отрицают роли «мужчины-охотника», напротив, они доказывают, что и женщины, и мужчины равно внесли свой вклад в эволюционный процесс.

Наибольшей известностью среди феминистских концепций «объективности» пользуется так называемая программа «сильной объективности» [17]. С. Хардинг интересуется понятием объективности в его применении к методам науки. Этот интерес обусловлен той критикой, которой были подвергнуты систематические искажения результатов исследований в естественных и социальных науках со стороны феминистского, антирасистского и экологического движений. Эти искажения представляют собой не только результат небрежности или легкомысленного отношения к нормам, призванным гарантировать научную объективность, но

также неадекватной концептуализации самих этих норм. Преобладающие на сегодняшний день стандарты «объективности», по мнению Хардинг, слишком «слабы», чтобы с их помощью можно было идентифицировать такие глубоко проникшие в культуру тенденции, как андроцентризм или евроцентризм.

Программа «сильной объективности» направлена на максимизацию объективности науки, но не ценностной нейтральности, поскольку эти два понятия, вопреки распространенному мнению, не идентичны. Более того, в ряде случаев стремление к ценностной нейтральности может служить препятствием на пути достижения максимальной объективности.

Институционализированная, ставшая нормой политика мужского превосходства, классовой эксплуатации, расизма и европоцентризма, считает Хардинг, вошла в плоть и кровь научных институтов и в практику науки. Таким гендерно-нагруженным понятиям, как «ученый», «объективность», «рациональность», «механические модели» и пр., удалось избежать стандартной процедуры, направленной на достижение ценностной нейтральности, лишь потому, что *сами эти понятия*, выступая в качестве базовых и неявных допущений, *принимают участие в конструировании как научных институтов, так и стандартов проведения исследований*.

В этом случае идеал ценностной нейтральности не способен противостоять систематическим искажениям результатов исследований: «после того, как наука оказывается на службе у властных институтов, требование ценностной нейтральности будет гарантировать лишь то, что сильный всегда прав» [17, с.337]. Когда научное сообщество практически единодушно разделяет некие допущения, мало шансов, что скрупулезное использование существу-

ющих научных методов сможет их выявить. И здесь может помочь, считает Хардинг, так называемая *позиционная эпистемология*, предполагающая, что наше положение в системе властных отношений определенным образом влияет на наше познание. Человеческое мышление не может не быть парциальным, оно всегда ограничено социокультурным контекстом, т.е. содержит допущения, которые становятся «видимыми» лишь для тех, кто находится вне этой культуры. Кроме того, согласно позиционной теории, на стиль мышления человека накладывает отпечаток и то положение, которое он занимает в системе властных отношений. Поэтому критический взгляд на интересы и ценности, которые конституируют доминирующие концептуальные схемы, может быть лишь взглядом со стороны. А это значит, что необходимо отталкиваться от опыта тех, кто занимает в этой иерархической системе подчиненное положение, т.е. от опыта маргиналов [17, с.342]. [Явно присутствует влияние марксистского хода мысли].

Предполагается, что, исходя из опыта маргиналов (женщин, например), можно достичь большей объективности в описании природного и социального миров. Позиционная теория не призывает к созданию феноменологии женского мира, как и не утверждает, что лишь женщины способны генерировать феминистское знание. Однако, с этой точки зрения, наличие институционализированного дисбаланса власти дает тем, кто в минимальной степени выигрывает от такого дисбаланса, значительные преимущества при создании теоретически и эмпирически точных объяснений природного и социального миров. Позиционный подход задает метод максимизации объективности, который наиболее эффективно действует в тех научных областях, которые были сформированы под сильным влиянием ценностей и интересов доминирующих социальных групп. Такая опора помогает избежать как ложной уни-

версальности, свойственной доминирующим социальным теориям, так и истоющего релятивизма, характерного для постмодернизма. Этот подход опирается на марксистскую теорию особой роли пролетариата в общественном познании. Так, по словам Н. Хартсок, «подобно тому, как жизненный опыт пролетариев позволил иными глазами посмотреть на буржуазное общество, опора на жизненный опыт женщин позволяет в ином свете увидеть общество, где на протяжении веков верховодят мужчины» [18, с.418].

Феминисты подчеркивают, что проводимые ими исследования отстаивают «интегративный междисциплинарный подход к знанию, в рамках которого теоретические построения носят контекстуальный характер и вписаны в реальность повседневной жизни женщин» [6, с.718]. Д. Смит предложила концепцию особой феминистской точки зрения, согласно которой, лишь занимая положение вне доминирующих рамок организованного социологического знания, можно сконструировать социологию³, которая учитывала бы субъективный опыт женщин. По ее мнению, такой подход к социологическому исследованию может избежать «объективирующих» тенденций патриархатной социальной теории. Смит выступает за «социологию инсайдера» и предлагает отказаться от выдумки, что исследователь может занять независимую объективную позицию. Это в принципе невозможно, поскольку в науках об обществе субъект и объект познания один и тот же – общественный человек [19].

Феминистские критики особенно подчеркивают, что разные методологии подразумевают различные формы властных отношений. Провозглашаемая в классической социологии объектив-

ность исследовательской методологии, по их мнению, служит идеологической ширмой и оправданием тех властных отношений, которые сложились в обществе и которые делают из женщин людей «второго сорта».

Как следствие, критике подвергнута «позитивистская количественная методология», которая не позволяет «услышать голоса женщин», равно как и других угнетаемых социальных групп. Более совместимыми с феминистским подходом считаются качественные методы. Для феминистских критиков «качественные» методы ассоциируются в основном с «глубинным интервью лицом к лицу», а «количественные» – со статистическими техниками. Обращение к количественным методам, по их мнению, тесно связано с привычкой манипулировать переменными и в результате создавать «искусственные контролируемые реальности». Стремление же к предсказанию и контролю, лежащее за ними, – «прямое следствие «мужского» желания доминировать, осуществлять власть над людьми и над природой» [6, с.711].

Наибольшую критику со стороны феминистов вызывают экспериментальные исследования. Против этого метода обычно приводят два главных аргумента. Во-первых, здесь осуществляется дискриминация женщин, поскольку этот метод создавался мужчинами и использовался для изучения мужчин; феминистские методологи считают «ригидный контроль» и «манипулирование переменными», без чего немислим экспериментальный метод, «мужским стилем исследования». Во-вторых, «с его помощью строятся такие теории личности и социальных структур, которые игнорируют «самосознание» изучаемых субъектов, а также интерпретации, даваемые ими собственному опыту.

Основными принципами феминистского исследовательского подхода стали:

³ Е. Здравомыслова, А. Темкина. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии // Введение в гендерные исследования. Ч.1. – Харьков – СПб., 2001.

использование методов, основанных на «глубоком» интервьюировании выборок женщин; пристальное внимание к деталям того, что женщины говорят; а также обращение к таким формам анализа, которые способны репрезентировать их опыт настолько полно, насколько возможно.

Более того, феминисты выступают против любой формы объяснения, которая требует или допускает навязывание исследуемым женщинам мнения «эксперта» о том, кто они такие, чего хотят или чего могли бы достичь. Иерархические отношения, за которыми стоит неравное распределение властных полномочий, противоречат нравственному императиву, составляющему суть феминизма, — «относиться к другим женщинам так же, как вы бы хотели, чтобы относились к вам» [6, с.711].

Подобная аргументация вызывает критику со стороны более умеренных феминистских социальных ученых. Неудача Маркса должна умерить пыл всех тех, кто пытается придать особый эпистемологический статус каким-либо социальным стратам или группам. Как пишет Дж. Холмвуд, «теория эпистемологического преимущества исходит из того, что «угнетаемым» каким-то образом удастся избежать негативных последствий своего социального опыта; напротив, предполагается, что они располагают привилегированными (а не просто иными) отношениями и способностью понимать реальность» [18, с. 420]. Таким образом, вопрос об адекватности социологических теорий и критериев их оценки в рамках этого подхода остается неразрешенным.

Так, создание исключительно женских выборок имеет те же недостатки, что и исключительно мужские выборки. Такие методы, как интервью, вовсе не гарантируют избавления от иерархических отношений между исследователем и респондентами. Кроме того, в качественных

исследованиях даже труднее избежать пристрастности и субъективности, учитывая размеры выборок, их гомогенность и отсутствие признанных исследовательских стандартов.

В действительности между качественными и количественными способами познания нет четкой границы. На практике в любое качественное исследование всегда вплетены элементы измерения, тогда как многие количественные исследования уделяют внимание субъективным интерпретациям, что, как предполагается, является прерогативой качественного подхода. Все это говорит о том, что необходимо реабилитировать «количественные методы» внутри феминистской социальной науки и усовершенствовать их с тем, чтобы они стали более пригодными для изучения женщин [6].

* * *

В работах феминистов содержится много тонких замечаний относительно природы научного знания, вполне обоснованных критических замечаний в адрес философии и социологии науки, отмечены ее пробелы и недостатки. Вместе с тем вряд ли можно считать, что феминистским теоретикам удалось создать новую парадигму в философии науки.

Спорность предложенных в рамках феминистской мысли решений, которая чаще всего связана с гипертрофированием гендерных параметров, не должна ставить под сомнение оправданность такого рода рассмотрения. Определяя новые направления и цели науки, феминизм стремится воссоздать науку как благо-деяние: задача сделать науку менее маскулинизированной — это одновременно задача сделать ее более человеческой.

Литература

1. Markussen R., Bodker S. Gender, culture and technology // *AI a. Soc.: J. of human*

- a. machine intelligence. – L., Berlin, 1993. – Vol. 7. – Nr 4.
2. Клименкова Т.А. Философские проблемы неофеминизма 70-х годов // Вопросы философии. – М., 1988. – № 5.
3. Юлина Н.С. Проблемы женщин: философские аспекты // Вопросы философии. – М., 1988. – № 5.
4. Bleier R. Sex differences research: Science or belief? // Feminist approaches to science / Ed. By Bleier R. – N.Y., 1986.
5. MacNabb R., Wass V. Male-female salary differentials in British universities // Oxford econ. papers. – Oxford, 1997. – Vol. 49. – Nr 3.
6. Oakley A. Gender, methodology and people's ways of knowing: some problems with feminism and the paradigm debate in social science // Sociology. – L., 1998. – Vol. 32. – Nr 4.
7. Bordo S. The Cartesian masculinization of thought // Signs. – Chicago, 1986. – Vol. 11. – Nr 3.
8. Keller E.F. On the need to count past two in our thinking about gender and science // New ideas in psychology. – Elmsford (N.Y.), 1987. – Vol. 5. – Nr 2.
9. Keller E.F. Reflection on gender and science. – New Haven: Yale Univ. press, 1985.
10. Harding S. Whose science? Whose knowledge? Thinking from women's lives. – N.Y.: Cornell Univ. press, 1991.
11. Fee E. Critiques of modern science: The relationship of feminist to other radical epistemologies // Feminist approaches to science/ Ed. by Bleier R. – N.Y., 1986.
12. Tuana N. The values of science: empiricism from a feminist perspective / / Syntheses. – Dordrecht, 1997. – Vol. 106. – Nr 3.
13. Haraway D. Primatology is politics by other means // Feminist approaches to science / Ed. By Bleier R. – N.Y., 1986.
14. Keller E.F. Developmental biology as a feminist cause // Orisis. Ser. 2. – Philadelphia, 1997. – Vol. 12.
15. Барчунова Т.В., Мешанин Ю.М. К вопросу об идеале рациональности и так называемом женском стиле мышления в науке // Вечные философские проблемы. – Новосибирск, 1991.
16. Keller E. F. A feeling for the organism. – San Francisco: Bedweal, 1983.
17. Harding S. «Strong objectivity»: A response to the new objectivity question // Syntheses. – Dordrecht, 1997. – Vol. 106. – Nr 3.
18. Holmwood J. Feminism and epistemology: What kind of successor science? // Sociology. – L., 1995. – Vol. 29. – Nr 3.
19. Smith D.E. The everyday world as problematic. – Milton Keynes: Open University Press, 1988.

В. СУКОВАТАЯ,
канд. философских наук
Харьковский национальный
университет

Религиоведение: гендерный подход

Традиционные религии часто нивелируют женский опыт Веры и потребности женщин в аутентичном религиозном самовыражении [1]. В юаждой из мировых или национальных религий по сей день сохраняется целая система взглядов, принижающих роль Женского: от менструальных табу, согласно которым женщина считается «нечистой» в оп-

редеятельные дни (вплоть до того, что изгоняется в специальную хижину – в архаических обществах яибо не допускается в церковь – в христианстве) до вербальных инвективов о «вторичности» женщины (вследствие ее «происхождения» из ребра Адама) и запретов на изучение женщинами священных текстов, преподавание теологии и ведение службы. Бн-